

АКСИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА¹

Рассматривается значение метонимии и метафтонимии как средств вербализации категории «повседневность» в английском и русском языках.

The article focuses upon metonymic and metaphonymic means of 'the everyday' category verbalization in the English and Russian languages.

Ключевые слова: категория, повседневность, метонимия, метафтонимия, аксиология, диахрония.

Key words: category, everydayness, metonymy, metaphonymy, axiology, diachrony.

Повседневность представляет собой одно из базовых проявлений категории времени как «творение тех жизненно-бытийных универсалий, которыми наполняется любое, отдельно взятое человеческое существование» [8, с. 111].

Целью статьи является исследование языковых средств выражения аксиологического аспекта категории «повседневность» в диахронии.

Рассмотрим семантические особенности ключевых лексем-номинаций исследуемой категории в английском и русском языках. Существительное *everyday* (вторая половина XIV века) и образованное от него путем конверсии прилагательное *everyday* (XVII век) имели нейтрально-маркированные значения "each day in continued succession" («каждый очередной день»), "of or pertaining to every day, daily; pertaining alike to Sundays and week-days" («относящийся к каждому дню, каждодневный; относящийся равно к воскресным и будним дням», например: "An *everyday*² care for the drying up the great fountain of leprosie in the heart" – «Каждодневный труд очищения нашего сердца от скверны» (R. Hammond, 1648)) [24]. Нейтральная коннотация характерна для русских прилагательных *повседенный* («ежедневный, повседневный», например: *Сън [сон] бо ничтоже ино есть, разве смерть временна и повседенная кончина* (XV век)), *повсе(я)дневный* («ежедневный; обычный, будничный, не праздничный», например: *И оболочися в платье повседневное* (XVI век)) [14, с. 175].

Лексем-маркеры повседневности приобретают качественные характеристики в зависимости от деятельности, наполняющей время. Повседневность неотделима от событий, которые, как пишет Г. Радден, представляют собой своеобразные ориентиры на пространстве времени [24, р. 147]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, синкретичность восприятия времени и деятельности является когнитивным основанием метонимического проецирования «событие вместо времени» (*Event-for-Time metonymy*) [22, р. 154–155]. В роли временных ориентиров (*reference-points*) чаще всего выступают регулярно повторяющиеся события повседневной жизни, например *working time/ рабочее время, leisure time/ свободное время (досу)* [24, р. 147–148].

Смыслообразующим началом в структурировании разнородного содержания повседневности являются ценности [16, с. 37–38, 41]. «Ценностное видение обладает способностью определять качество. В ценностном зерне заключена воля как непреодолимая жизненная энергия, направленная на культурное творчество. Вне духовности творчество ценностей культуры невозможно» [16, с. 103]. Ценности, по М. Веберу, имеют исторический характер: человек в своей деятельности руководствуется тем, что в данную эпоху воспринимается как ценность [9, с. 13–14].

Система морально-этических ценностей, сложившаяся в странах Европы, основана на христианском вероучении. По словам Ф. Броделя, «христианство Запада было и остается важнейшей составной частью европейской мысли... В течение всего исторического развития Запада христианство оставалось в центре цивилизации, было его движущей силой» [2, с. 328]. В православной России, по мысли И.А. Ильина, все бытие и вся история народа осмыслились как «самостоятельное и своеобразное служение Богу: приятие даров Святого Духа и введение их в национальную культуру» [6, с. 18].

Непреходящее ценностное начало христианской веры направляет все многообразие проявлений повседневности, придает положительный смысл человеческому существованию и является той «вертикальной» осью координат, которая соединяет земную «горизонтальную» направленность повседневности с вечностью. Аксиологическая насыщенность каждого мгновения бытия как *дара Божия* обуславливает неповторимую ценность каждого дня и предотвращает обезличивание повседневности: «На этом дне – Божие благословение, он – Божий собственный день... Ты поставлен в этом дне, чтобы быть присутствием Господа, присутствием Христа, присутствием Святого Духа... – вот твоя функция в этом

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 07-04-00130а.

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. – М. К.

дне... и если ты во имя Божие идешь через весь день, который ты принял свежим и новым из Его собственных рук, с Божиим благословением на то, чтобы прожить его, то тем самым молитву и жизнь можно по длинно обратиться в две стороны одной монеты» [25, с. 103–106].

Ярким примером языкового выражения категориальной взаимосвязи повседневности и вечности через труд и молитву является русская лексема *будень*, значение которой восходит к когнитивной матрице (термин Н.М. Орловой [11]) – церковнославянскому тексту Евангелия об ожидании Суда Божия³: «Блюдите, *бдите* и *молитесь*: не весте бо, когда время будет. Якоже человек отходя оставль дом свой, и дав рабом своим власть, и комуждо дело свое, и вратарю повеле, да *бдит*. *Бдите* убо: не весте бо, когда господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро: да не пришед внезапно, обрящет вы спяща. А же вам глаголю, всем глаголю: *бдите*» (Мк. 13: 33–37)⁴.

Значение лексемы *будень* основано на положительно маркированном метонимическом переносе: *будень* есть *время бдения*, *будень* (укр. *буддень*) – из именного словосочетания *буднь днь (ср. польск. *budny dzien* «будний день»), буквально «день бдения», от *budny* – *buditi*, рус. *будить*, ср. болг. *буден* «бодрый, бдительный», словен. *buđn* «бодрый, веселый» [15, с. 229]. Глагол *бдеть* и его производные имеют два взаимодополняющих значения: 1) *бдение* – бодрствование, прохождение времени без сна и производное от него (*всенощное*) *бдение* – церковная служба, в которой вечерня соединяется с утреней; 2) *бдение* – попечение, рачение, заботливость, ср. *бдеющий/бдящий* – пск. старательный, рачительный, усердный к работе [5, с. 57]. В совокупности семантические компоненты ‘бодрствование как противоположность праздности’, ‘молитва’ и ‘дело’ составляют значение возникшего в XVIII веке собирательного существительного *будни* как *времени труда*: «*Будень, будни* – не праздник, рабочий день, не праздничный, простой: *Не знаешь праздника, так знай хоть будни*» [Там же, с. 136].

Метонимическое восприятие повседневности через дело/труд лежит в основе значения лексем-номинаций исследуемой категории в английском языке: *working days* («будни»), *everyday working life* («повседневность»)⁵.

Аксиологическое ядро категории «повседневность» в христианском мировидении структурируется метонимическим переносом *повседневность есть время делания / время труда*: “*The largest faith may be manifested in the lowliest places. When all the work of the ages appears, when the weaving of the centuries is turned with its finished side towards us, we may see that the man who has laid the brick or fed the furnace or the woman who has washed and cooked in the home and tended the little ones, doing these things for love, has shot the most glowing colours into the great fabric*” [19]⁶. В приведенном фрагменте «Эссе об идеалах повседневности» Г. Коупа (1908) глагольные фразы деятельностной семантики с коннотацией незаметности (*lay the brick / feed the furnace / wash / cook in the home / tend the little ones*) употребляются с эмоционально окрашенной лексемой *love* и оценочными словосочетаниями *the largest faith, the weaving of the centuries, [the most] glowing colours, great [fabric]*, отражая непреходящую ценность повседневного труда.

Для русского православного сознания *мирный будничный труд* приобретает, по слову о. Павла Флоренского, особую значимость: «Праздник есть праздник, против него нельзя возражать, но вредно и ложно искать постоянного праздника и подменять им *будни*. Забывая о *буднях* или не желая знать их, человек остается несатытым и неудовлетворенным. Ошибка многих! Только в *тиши мирной будничной работы* можно найти себя самого и свое удовлетворение» (Фрагмент письма к дочери о. Павла Флоренского) (цит. по: [7, с. 30])⁷.

³ Как отмечает Н.М. Орлова, «количество обращений к прецедентным феноменам библейского истока на протяжении длительного времени практически не поддается исчислению, Библия представляет собой сверхтекст, оказавший влияние на формирование когнитивной и художественной картины мира носителей многих языков» [11, с. 126].

⁴ В приведенной притче говорится, что господин «дал каждому свое дело. Поэтому каждый из нас должен не только управлять домом Божиим, то есть ниспосылаемыми нам житейскими благами, согласно с волей Божией, но и делать свое дело так, чтобы во всякое время быть готовым дать отчет грядущему Судье. У каждого из нас есть свое дело, своя служба, своя работа...; каждый занят своим делом, порученным ему Богом, и должен дать отчет в нем: так ли вел свое дело, как Богу угодно?» [4, с. 576]. Ср.: “*And shall come forth; They that have done good, unto the resurrection of life; and they that have done evil, unto the resurrection of damnation*” (St. John 5: 29) – «И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин. 5: 29).

⁵ В современном английском языке сочетания со словами лексико-семантического поля “*Work*” (*activities/actions, task(s), work, business, practice, needs, problems, concerns, purposes, demands, tools, chores, care, jobs*) составляют 10% всех словосочетаний с прилагательным *everyday* в Британском национальном корпусе, занимая четвертое по частотности место после лексем семантических групп “*Life*”, “*Physical World*”, “*Language*” [18].

⁶ «Глубочайшая вера может быть обнаружена в самых незаметных местах. Когда явится труд всех веков, когда сотканное столетиями откроется нам лицевой стороной, то, возможно, мы увидим, что те, кто с любовью [делали свое дело] – *клали кирпич или топили печь, стирали и готовили, и нянчили детей* – соткали самые яркие узоры этой великоленной ткани».

⁷ О важности этих характеристик для всего течения человеческой жизни свидетельствуют слова ежедневного православного богослужения: «*да тихое, безмолвное житие поживем, во всяком благочестии и чистоте*» (1 Тимофею 2: 2).

Освященный именем Божиим, направленный ко благу ближнего, незаметный будничный труд осмысливается в рамках метонимического переноса *повседневность есть время служения / lifetime is the time of service*: “...it may be just as necessary a part of the *divine service* that I should *serve at a desk, a counter, or a machine*, should *sweep a room or tend a child*... For the great Master of all who knows all our work, measures it all, not as we do; He sees the *glory of the cup of cold water* and the *divinity of the commonplace*” [19]⁸.

Когнитивной матрицей для этого фрагмента стали строки Евангелия от Матфея: “And whosoever shall give to drink unto one of these little ones a *cup of cold water* only in the name of a disciple, verily I say unto you, he shall in no wise lose his reward” (St. Matthew 10: 42) — «И кто напоит одного из малых сих только чашею *холодной воды*, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. 10: 42)⁹.

Когнитивный перенос *повседневность есть время «малых дел»* [9, с. 87], возникший на основе приведенного евангельского изречения, определяет ценностное наполнение повседневности, качественную полноту бытия: «Главное в жизни — *всегда* делать людям добро. Если не можешь делать для людей *добро* большое, постарайся совершить хотя бы *малое*» (Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий)) (цит. по: [13, с. 95])¹⁰.

В подлинном доброделании временное, повседневное сливается с вечностью: «Всегда *ищите добра* и друг другу и всем. Всегда *радуйтесь*. Непрестанно *молитесь*. За все *благодарите*: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. *Духа не угашайте*» (I Фессалоникийцам 5: 15–19) — “Ever follow that which is good, both among yourselves, and to all men. *Rejoice evermore. Pray without ceasing. In every thing give thanks*: for this is the will of God in Christ Jesus concerning you. *Quench not the Spirit*” (I Thessalonians 5: 15–19). Употребленные здесь наречия *ever, evermore / всегда; without ceasing / непрестанно* подчеркивают постоянство доброделания (труда), радости, молитвы и благодарения, составляющих внутреннее богатство человеческого бытия.

Отказ от христианской веры как источника творческого начала и подлинного критерия ценностей привел европейскую цивилизацию к мировоззренческому кризису. Категория «вечность», занимавшая на протяжении веков центральное положение в понимании повседневности, постепенно вытесняется на периферию и становится абстрактной, оторванной от земной жизни человека; повседневный труд теряет аксиологически маркированную составляющую «служение Богу и ближнему». На языковом уровне данный когнитивный сдвиг отражается в изменении коннотации лексем *everyday*¹¹/будни.

С середины XIX века входят в употребление отрицательно маркированные словосочетания *dull everydayness / серые будни*, например: “Their *dull ‘everydayness’*” (M. E. Durham, 1904) [23]; «Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями» (И. А. Гончаров, 1855); «Привычные явления *серых будней* истории ускользали от духовного взора историков как явления, не заслуживающие серьезного внимания» (Л. С. Аксельрод, 1919); «Но, когда вся разрушительная часть была кончена и должна была начаться созидательная, подъем у всех сразу упал, точно кончился праздник и наступили *серые будни*» (П. С. Романов, 1922) [10].

⁸ «Служить Богу можно *служа за прилавком, за рабочим столом или станком, подметая комнату или ухаживая за ребенком...* Владыка всех, знающий наши труды, оценивает не так, как мы. Он видит большое в чаше *холодной воды* и *божественное в повседневном*».

⁹ «Мелкие хорошие поступки — это вода на цветок личности человека. Совсем не обязательно вылить на требующий воды цветок море воды. Можно вылить полстакана, и этого будет достаточно, чтобы уже иметь для жизни большое значение... В этом слове Господнем — высшее выражение важности малого добра... Через малое, легкое, с наибольшей легкостью совершаемое дело человек более всего привыкает к добру... от малого происходит великое. “Верный в малом” оказывается верным в великом» [1, с. 200–207]. Ср. строки из стихотворения сестры Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве, основанной в 1909 году преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной (Романовой): «Нам не нужно считать, // Сколько душ мы спасли, // Скольким людям помогли. // Мы должны подняться от // Скорбной земли до рая и // Радоваться с ангелами // Об одной спасенной душе, // Об одной чаше *холодной воды*, // Поданной во имя Господа» [3, с. 120].

¹⁰ Святитель Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, 1877–1961) — архиепископ, профессор хирургии, лауреат Сталинской премии (1946). Из воспоминаний о ташкентском периоде его жизни (20-е годы XX века): «Однажды Владыка Лука заметил на ступеньках городской больницы девочку-подростка и маленького мальчика... Единственный в городе близкий человек — мать — в больнице... Лука повел детей к себе в дом, нанял женщину, которая ухаживала за ними, пока не выздоровела их мать... Девочка [Шура]... стала хорошей медицинской сестрой. Владыка Лука *постоянно* посылал Шуру по городу искать больных, нуждающихся в помощи и материальной поддержке. [Их] Владыка Лука навещал потом сам, помогал деньгами» [13, с. 95]. В годы Великой Отечественной войны он был консультантом всех госпиталей Красноярского края, главным хирургом эвакогоспиталя. Из автобиографии: «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами» [Там же, с. 124].

¹¹ Во второй половине XVIII века в семантике прилагательного *everyday* возникает новое значение “to be met with every day; common, ordinary” («встречаемый каждый день; обиходный»), нередко с отрицательной коннотацией “*commonplace, mediocre, inferior [of people and their attributes]*” («обычный, средний, худший»), например: “Things of common concern... make no slight impression on *everyday minds*” — «Общественные интересы не затрагивают *повседневные умы*» (W. Shenstone, 1763). В середине XIX века (1862) появляется существительное *everydayness/повседневность*, которое нередко употребляется как синоним существительному *commonplaceness/банальность* [23].

В основании приведенных словосочетаний лежит процесс когнитивной метафтонимии [17]¹². В словарных определениях переносного значения лексем *dull/серый/сумерки* центральными являются семы 'отрицательный', 'отсутствие яркого чувства' (*dull 'boring'; серый 'ничем не замечательный', сумеречное время 'о смутной поре, безвременье'*); в буквальном значении *dull/серый/сумерки* указывают на нехватку света ('not clear, bright or shiny'; 'пасмурный'). Метонимическая связь *полутьмы* (в качестве источника) и отрицательного психологического состояния (в качестве цели) обуславливает привнесение в концептосферу темноты оценочного критерия, лежащего в основе метонимии *темный* (источник) вместо *отрицательного суждения о темном* (цель). Метафора *негативное – это темнота* является дальнейшим обобщением метонимии. Отрицательная маркированность приведенных словосочетаний свидетельствуют о внутренней неудовлетворенности носителей языка содержанием будничной жизни¹³.

Анализ особенностей вербализации аксиологического аспекта категории «повседневность» показал, что на протяжении веков структурообразующее значение имело метонимическое проецирование '*everyday life is the time of work/service*' ('повседневность есть время делания/служения'). В XVIII–XX веках содержательная структура исследуемой категории подверглась ментальным трансформациям: коннотации метафтонимических словосочетаний *dull everydayness / серые будни* свидетельствуют о разрыве когнитивных связей между категориями «повседневность» и «вечность».

Список литературы

1. *Архимандрит Иоанн* (Крестьянкин). Проповеди 1973–1994 годов: в 2 т. М.; Псков, 1994. Т. 2.
2. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.
3. *Вяткин В.В.* Христовой Церкви цвет благоуханный. Жизнеописание преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2001.
4. *Гладков Б.И.* Толкование Евангелия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1913 (2000).
5. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.. М., 1956. Т. 1.
6. *Ильин И. А.* Собрание сочинений в 10 томах. М., 1996. Т. 6.
7. *Майданов Андрей*, иерей. Священник Павел Флоренский // Духовно-нравственный потенциал России. Армавир, 2007. С. 28–31.
8. *Марковцева О.Ю.* Повседневность как бытие человека // Вестник Омского государственного университета. 2006. №6, Т. 1. С. 111–117.
9. *Найденова Л.П.* Мир русского человека XVI–XVII вв. М., 2003.
10. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.03.2009).
11. *Орлова Н.М.* Прецедентная ситуация ветхозаветного истока в пространстве текста // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. матер. Тамбов, 2008. С. 126–128.
12. *Письма архимандрита Иоанна* (Крестьянкина). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2006.
13. *Святитель Лука Крымский* (Войно-Ясенецкий). «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 2007.
14. *Словарь русского языка XI–XVII веков.* Вып. 15. М., 1989.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.
16. *Шевцова Н.П.* Культура как система ценностей. М., 2004.
17. *Barcelona A.* On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads / ed. by A. Barcelona. B., 2000. P. 31–58.
18. *British National Corpus.* URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 11.02.2009).
19. *Cope H. F.* Levels of Living. Essays on Everyday Ideals. N.Y., 1908. URL: <http://www.gutenberg.org/files/18712/18712-8.txt> (дата обращения: 25.03.2009).
20. *Geeraerts D.* The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Dirven. B., 2003. P. 434–465.
21. *Goossens L.* Metaphonymy // Ibid. P. 349–377.
22. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh. N. Y., 1999.
23. *Oxford English Dictionary.* URL: http://dictionary.oed.com/cgi/entry/50079101?single=1&query_type=word&queryword=everyday&first=1&max (дата обращения: 31.03.2009).
24. *Radden G.* Time is space // Human Contact through Language and Linguistics. Frankfurt a/M, 1997. P. 147–166.
25. *Митрополит Антоний Сурожский* (Блум). Учитесь молиться! Клин, 2003.

Об авторе

М. Н. Коннова — канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канга.

Author

M. N. Konnova — PhD, associate professor, IKSUR.

¹² Д. Герартс, считающий метафору и метонимию противоположными полюсами единого континуума, указывает на наличие промежуточных случаев, когда в основе языкового выражения лежат оба когнитивных процесса [20, р. 354]. Для обозначения этих промежуточных явлений был предложен термин «метафтонимия» (*metaphonymy*) [21].

¹³ Причина неудовлетворенности *серыми буднями* во внутренней оторванности повседневного труда от преобразующей силы веры, любви и смирения, которые «были безошибочными путеводителями людей в бушующем житейском море и вели за собой в жизнь истину, искренность и простоту. <...> Великие идеалы чистоты и святости порождали желание жить и трудиться во имя этих идеалов, а смирение вознаграждало тружеников силой от Бога к свершению их» [12, с. 9].